

Вахромов Е.Е.

**К постановке
проблемы
психологии ритма.**

Человек живет в мире, - в этом первичная данность его бытия, исходный пункт процесса познания им мира действительности и его самопознания (С.Л. Рубинштейн, 31). Каждый человек проживает свою жизнь решая как ситуационно обусловленные проблемы, так и проявляя *надситуативную* (творческую или деструктивную) активность, изменяя как мир действительности, так и самого себя. Жизненная ситуация, как правило, предоставляет каждому человеку сделать в *настоящем времени* определенный выбор в форме поступка, действия (или бездействия). Образ будущего и для человека и для человечества есть совокупность потенциальных, ожидаемых результатов от действий, усилий, предпринимаемых в настоящем. Именно поэтому будущее принципиально открыто, а разные варианты желаемого и ожидаемого будущего имеют разную мотивирующую притягательность.

Всю историю человечества, историю любого государства и биографию отдельного человека можно представить как историю поиска образов возможного лучшего будущего, своего личностного смысла с целью их актуализации как индивидуальными усилиями, так и в совместной деятельности, как *историю личной и групповой самоактуализации*. *Жизнь и мира и человека - это совместное движение от того что есть, - к тому, что может и должно быть, - от истины к идеалу*. В развитии мировой культуры идея познания мира, такого, каков он есть в действительности сегодня, нахождения *истины*, - является центральной и структурообразующей для комплекса естественных наук; идея познания того, какими мир и человек могут и должны стать, нахождения и реализации *идеала*, - является центральной для религии, искусства, педагогики, психологии и философии.

Решение как адаптационных проблем, так и проблемы актуализации лучшего будущего человек осуществляет в условиях неполноты информации, внутригрупповой и межгрупповой конкуренции, **ограниченного времени**. Успех в решении проблем связывается, прежде всего, с умением мобилизовать все наличные ресурсы, внешние и внутренние, сначала для нахождения теоретической модели решения (самореализация), а затем и для своевременного проведения его в жизнь (самоактуализация) [11]. Мобилизация внутренних ресурсов ассоциируется с мобилизацией и активацией физиологических и функциональных систем организма, что требует синхронизации и гармонизации взаимоотношений между этими системами в общем **ритме жизнедеятельности**. Мобилизация внешних ресурсов требует объединения и гармонизации усилий многих субъектов для решения общих проблем, что требует высокой степени общности в их ценностных ориентациях и высокой

степени синхронизации их личностных **темпомиров***, что проявляется в феномене *сплоченности* объединившейся для реализации общего решения группы.

* Под **темпомиром личности** автор имеет в виду интегральное понятие, в котором объединяются (но не сливаются) мировоззрение (индивидуальная картина мира) и ценностные ориентации человека, особенности функциональной и временной организации работы его мышления и сознания (определяющие его способность к самореализации) и степень овладения своими внутренними *организмическими* ресурсами (саморегуляция). Темпомир личности – это хорошо проработанная теоретически временная перспектива процесса самоактуализации, опирающаяся на реалистические представления человека о своем потенциале и объективных возможностях и реализуемая через способность самостоятельно задавать общий **ритм** собственной жизнедеятельности, гармонизирующий внутренние (био)ритмы с внешними ритмами, задаваемыми группой, культурой общества.

Сегодня быстро развиваются такие дисциплины, как акмеология и психологическое консультирование, в педагогике на первый план выходит проблема воспитания человека, способного к творческой активности и самоактуализации, а в психологии в центре внимания оказались проблемы индивидуальной и социальной компетентности человека. В свою очередь проблемы компетентности не могут быть решены без фундаментальной проработки вопросов восприятия и использования человеком объективного и субъективного времени своей жизни, за которыми стоит фундаментальная **проблема ритмов** в жизни человека, группы и общества. В этой проблеме необходимо выделить такие ее важнейшие аспекты как:

- *внутренние ритмы (биоритмы), их воздействие на состояние сознания человека, возможность и пределы саморегуляции;*
- *внешние (социокультурные и групповые) ритмы, их воздействие на состояние сознания человека, возможность и пределы саморегуляции;*
- *влияние внешних (социокультурных, групповых) и внутренних ритмов (биоритмов) на темпомир личности и индивидуальную картину мира.*

Актуальность исследований по **психологии ритма** сегодня особенно высока в России, в связи со сложнейшими изменениями в обществе и культуре. Мы видим как «поп-культура» навязывает подрастающему поколению «клиповую эстетику», основанную на ритмизированном «мелькании» не связанных общим смыслом кадров, что дезорганизует процессы восприятия мира действительности. Мы знаем о развитии клубной «дэнс-культуры», основанной на использовании *музыкальных ритмов*,

демобилизующих мыслительную активность, разрушающих способность человека к личностному общению. Включив телевизор, каждый человек сталкивается с ритмизованной продукцией психотехнологов, пытающихся заставить зрителя воспринимать чужие идеи как свои и приобретать не являющиеся необходимыми товары и услуги. Мы сталкиваемся с феноменом толп, объединенных общим *ритмом деструктивной деятельности*, где отдельный человек легко теряет свой культурный облик. Мы вынуждены заниматься реабилитацией жертв тоталитарных и культовых организаций, функционеры которых используют *ритмические структуры речи, танца, коллективного шествия* для вовлечения и психологического порабощения адептов. В перечисленных выше случаях нарушается способность человека к самоорганизации своей деятельности в реальном времени и его способность самоактуализации, происходит необратимое замедление психологического развития (а в отдельных случаях и деградация), формируется зависимый тип личности. [11,12].

В то же время мы знаем, что умение **задать и удерживать ритм собственной деятельности** помогает человеку физически слабому - преодолеть многие свои ограничения, а далеко не блестяще одаренному – со временем развить способности и превзойти своих более одаренных, но менее организованных коллег. Мы знаем, что успех в деятельности педагога, социального работника, психолога, общественного деятеля не в последнюю очередь связывается с его умением не только мобилизовать свои внутренние ресурсы, но и **гармонизировать свой индивидуальный ритм** с ритмами тех людей, с которыми он связан по роду своей деятельности. Более того, для достижения значимых результатов в совместной деятельности сегодня необходимо умение лидера **задать общий для группы ритм деятельности** таким образом, чтобы не подавить творческий потенциал каждого, а за счет синхронизации и своего рода *«творческого резонанса»* обеспечить повышение эффективности совместной деятельности.

Проблема психологии **ритма** связана, таким образом, с наиболее фундаментальными чертами современной картины мира в науке и культуре и практической преобразовательной деятельностью человечества. Она актуальна в связи с запросами и теории и практики, что требует не только анализа динамики процессов, происходящих в истории науки, культуры и социально ориентированных практиках, но и ее соотнесения с естественнонаучной теорией работы сознания человека, а также религиозными и психотерапевтическими концепциями ([4], [28]. [39]).

Развитие представлений о ритме и времени в истории мировой культуры.

Жизнь человека можно рассматривать как не по своей воле начинающийся познавательный процесс, приносящий каждому живущему *знание*. Задача процесса познания осуществима лишь отчасти в связи с тем, что далеко не все процессы в мире действительности обладают свойством **фундаментальной повторяемости, ритмичности**, позволяющей субъекту познания формулировать объективные закономерности и делать предсказания наступления тех или иных событий в определенный момент времени с прагматически значимой (высокой) вероятностью их осуществления. В процессе познания о любом изменении в мире действительности человеку невозможно помыслить вне представления о времени, а о времени невозможно помыслить в отсутствии хотя бы каких-то перемен. **Феномены ритма и времени** обнаруживаются субъектом познания первоначально во внешнем мире, а идея возможности измерения времени связывается с сопоставлением двух событийных рядов во внешнем мире, один из которых характеризуется очевидно высокой степенью **устойчивости своего ритма**.

Представления о времени и ритме возникли в мифопоэтической культуре древнего мира в связи с практическими потребностями человека. Жизнь Космоса рассматривалась тогда, как правило, в терминах драматического по своему существу *процесса*, разворачивающегося не столько в пространстве, сколько во времени, ясно видимым и высшим проявлением которого является круговращение Солнца. Так, в книге «Шуцзин», являющейся памятником культуры древнего Китая, говорится о том, что главной обязанностью мудрецов древности было наблюдение за Солнцем, исчисление времени и принесение, в должный его момент, жертвоприношений всем небесным божествам и земным духам [9; с.40]. Важнейшими событиями в жизни Солнца являются, по мнению мудрецов, во-первых, факты его восхода и захода, и, во-вторых, **регулярность ритма** возобновления этих событий. Поэтому, например, в древнем Египте появляются представления о *двух формах* всего сущего, изменчивой и завершенной, о двух соответствующих компонентах в каждом сущем, и два термина для обозначения феноменов изменчивости и завершенности: *нехех* и *джет*. Соответственно и о времени говорится как о едином в двух ипостасях феномене: о *времени* – *нехех*, идущем, пульсирующем, в котором происходит изменение и созревание, и о *времени* – *джет*, которое неподвижно и сохраняет без изменения и движения все осуществленное, созревшее до завершенности во *времени* – *нехех*. Жизнь человека, обладающего соответственно *душой* - *ка* и *душой* - *ба*, рассматривалась в эту эпоху как процесс становления, *хелер*, от изменчивой и подвижной формы существования к неподвижной, монументальной. Отсюда

оправданными считались колоссальные затраты на запечатление для вечности окончательной формы, *монументализацию*, известную нам по мумификации умерших и строительству пирамид и курганов в культурах древнего мира.

С момента появления в жизни культуры текстов, понятие времени в них оказывается неразрывно связанным с понятием **ритма**, *обозначающим циклически воспроизводящиеся процессы в мире действительности*. В мифологическом контексте **ритм** – это прежде всего **ритм жизни**, проявляющийся во всех ее феноменах и на всех уровнях. В Китае поэтика и философия Дао – это прежде всего **поэтика и философия ритма**. В «Дао Де Цзин», приписываемом Лао Цзи философско-поэтическом произведении, единое Дао играет роль субстанциально-генетической первоосновы мира. Оно всегда как бы удваивает себя в противоположностях *непроявленности* или небытия (у), и *проявленности* или бытия (ю) каждой из вещей. По сути они и существуют, не существуя, и не существуют, существуя. И бытие и небытие составляют две стороны единого мирового пульсирующего в едином ритме подобно току крови процесса: «Бытие и небытие друг друга порождают. <...> Мириады вещей Поднебесной рождаются в бытии, бытие рождается в небытии». И то и другое определяется в философии Дао категорией постоянства (*чан*): все исходит из постоянства и после **жизненного цикла** возвращается к своей первооснове [25; с. 35].

Сегодня это кажется удивительным, но Египет не знал понятия времени прошлого, настоящего и будущего, и, по крайней мере до 2-го тысячелетия до н. э., в языке египтян не существовало слов и грамматических категорий для отображения такого деления времени. Лишь позже появляется в религиозных мифах символизация Осириса в качестве бога *джет* как бога вчерашнего дня, бога всего уже *состоявшегося*, осуществившегося и ставшего. В качестве антагонистической констелляции к Осирису появляется символизация Солнечного бога в качестве бога *нехех*, как бога завтрашнего дня, бога всего того, что обладает еще не реализовавшимися потенциями. Аналогично развивается представление о времени и в других культурах древнего мира. Так, в мифологии древней Индии такая же антагонистическая констелляция обнаруживается в противостоянии бога Индры, олицетворяющего солнце в зените, как вечное Солнце, не знающее перемен, и бога Сурьи, ассоциировавшегося с видимым движением солнца от восхода к закату [7; с.87]. Ян Ассман так пишет о Солнечном боге Египта: «В нескончаемом круговороте своих восходов и закатов, становлений и исчезновений, смертей и рождений, он остается богом того времени, которое вечно движется и воспринимается как поток,

пульсирующий в **периодическом ритме** дней и ночей, месяцев, времен года и лет. В его лице временная категория виртуальности обретает религиозную значимость, сакральность: она являет собой неисчерпаемый запас, неизмеримую полноту времени, противостоящего ограниченности человеческой жизни; бессмертие в непрерывности, в повторениях, возобновляющихся «день за днем» (если воспользоваться древнеегипетским выражением)» [3; с.125].

Следующий шаг в развитии представления о времени мы находим в религиозно-философских концепциях древней Индии. Здесь отражается уже не только различие между *изменчивым* и *ставшим, проявленным и непроявленным*, но и ясно видимый человеком в окружающей природе **трехчастный цикл** круговорота жизни: рождение (создание) – пребывание – гибель (уничтожение, исчезновение). Соответственно, появляется и деление времени на прошлое, настоящее и будущее: каждый живущий обнаруживает себя в актуальном настоящем и сталкивается с загадками своего появления в мире (прошлого) и смерти, ожидающей его в будущем и символизирующей тайну исчезновения всего живущего. Отныне центральной темой мифа становятся именно эти волнующие человека загадки, хотя формально ответ на них ищется, по законам проекции, в событиях внешнего мира.

Мышление человека древнего мира, в связи с возникновением понятий о **времени и ритме**, неизбежно приводило его к представлению о том, что «лучшие времена», связанные со стабильностью, и уже не несущие в себе проблем и угрозы, относятся к времени прошлому. Перемены, чреватые риском нарушения гармонии самовоспроизводящегося Космоса и являющие собой угрозу *окончательной смерти* индивида, связываются с будущим временем. Так, например, в мифах древнего Египта говорится о катастрофическом ухудшении положения дел во Вселенной, которую человек своими делами превращает в непригодную для жизни. Индивидуализация человека, проявляющаяся через *несолидарное* поведение, выпадение его из **общего для всех ритма**, есть прегрешение против принципа гармонии *Маат*, приносящего всем полноту существования и изобилие, объединяющего всех живущих в **единый социальный организм**. Процесс индивидуализации человека, выводящий его из общего для семьи, рода и племени ритма жизни, воспринимается в древнем мире как угроза для всех и каждого, или даже как преступление против главного принципа жизни. Так как *Я* в эпоху древнего мира синонимично *Мы*, является жестко встроенным в общественную жизнь *Мы* элементом, то понятным становится и то, что болезнь индивида, его «выпадение» из гармонии общего для *Мы ритма*, считается чем-то аналогичным потере человеком какого-либо из органов или частичному параличу.

Через это выпадение в мир прорывается Хаос, несущий угрозу гибели всему ослабленному общему социальному организму *Мы*. Поэтому основные принципы терапии в мире древности основывались на попытках **вернуть заболевшего в общий ритм жизни** через **общий для всех ритуал**, понятие однокоренное с понятием ритма, означающее систему действий, основанных на **принципе синхронизации индивидуальных ритмов** (Торчинов Е.А., [40]; Элиаде М. [45], [46]).

Идеогенез основных мифогенных концепций объяснения мира действительности завершается и наиболее полным и подходящим для современной науки образом фиксируется в античной философии. Мифопоэтические по своей сути произведения античных авторов считаются сегодня соответствующими канону научности, философскими, а содержащиеся в них мифогенные идеи широко используются в объяснительных концепциях и теориях современной науки (см. [26], [36]). В античной философии Космос так же рассматривается как единое живое существо, включающее в себя всех живущих и объединяющее их на основе **принципа гармонии**. Философия Греции не знала господства материалистической или идеалистической тенденций, такая интерпретация была сделана гораздо позже. Платон никогда не отвергал материю, указывая лишь на недостаточность только её для построения целостной картины мира. Демокрит называл свои атомы идеями и даже богами, а Платон называл свои идеи атомами. Парменид определил, что ум познающего, подобно **естественному ритмическому ходу светил**, обречен неоднократно возвращаться к исходной точке своего познания. Гераклит из Эфеса писал, что Космос один для всего существующего и не создан ни богами, ни человеком. Основной формой его жизни является **циклическая пульсация**, подобная пульсации то возгорающегося, то вновь затухающего огня. Однако каждая пульсация, каждый **цикл внутри общего ритма**, по его мнению, обладает своими индивидуальными особенностями, поэтому «нельзя дважды войти в одну реку». Гармония в Космосе, по его мнению, рождается в результате столкновения противоположных стремлений и усилий; все в мире состоит из противоположностей. *Вся жизнь есть изменение, изменение же всегда есть результат борьбы.*

В школе Пифагора разрабатывалась философская система, основанная на идее **ритма как общего основания для математической теории, музыки и мироздания**. *Монада*, означавшая в открытой части учения единицу или математическую «точку отправления», для «посвященных» имела, помимо того, значение первичного и единого принципа всего сущего, символизировала неизъяснимое единство, из которого все истекает в непостижимой эманации, и к которому все стремится обратно, завершая

таинственный **«круг бытия»**, и образуя мистическую Полноту или Плерому. Пифагорейцы считали сферу самой совершенной из форм, поэтому считалось, что и небо и земля должны быть идеально сферическими. Пифагореец Филолай считал, что движение небесных сфер сопровождается согласованными между собой **звуками**, не слышной человеку мелодией («гармонией мира»), а все сферы расположены по отношению к центру мира так, что расстояния от каждой из сфер до центра подчиняются простым числовым соотношениям. Поэтому арифметика, не знающая дробей, символизирует центральную идею упорядоченности Космоса. Пифагорейцы, а вслед за ними и основные школы античной философии считают, что именно через число происходит упорядочение Хаоса в Космос [24].

Философская система Платона была основана на представлении об изменчивой материи как слабом отражении вечных и совершенных идей. В этом плане весь мир действительности есть лишь бледная тень, несовершенная и текучая копия с совершенного оригинала. Мир создан путем упорядочения первичной материи, время и небо появились одновременно, Солнце обусловило чередование дней и ночей, что позволило исчислять время и составить понятие о нем. Только благодаря наличию времени и понятия о нем стала возможной философия («Тимей»). Наиболее близка к совершенству гармония чисел, отражающая вечную гармонию движения небесных тел, и гармония музыки. Поэтому в школе Платона говорится о том, что самое важное для человеческой души – это подражание движению небесных тел, вращающихся всегда одинаково **ритмично**, симметрично, гармонично, без всякого нарушения извечного порядка и принуждения.

В «Законах» Платон пишет, что **причиной дисгармонии** в мире являются лишенные внутренней гармонии люди, раздираемые противоречивыми желаниями. Он приходит к выводу, что война всех против всех относится к самой природе общества, для которого характерны обнаженный и озлобленный инстинкт жизни и коренные противоречия как в отношениях одного человека к другому, так и в отношении его к самому себе: «то, что большинство людей называют миром, есть только имя, на деле же *от природы* существует вечная непримиримая война между всеми государствами <...> Все находятся в войне со всеми как в общественной, так и в частной жизни, и каждый (находится в войне) с самим собой» (Платон, Законы, I, 626a-c). Не только Бог управляет миром, «а вместе с Богом случайность и благовремение правят всеми человеческими делами. Впрочем, во избежании резкости надо уступить и сказать, что за ними следует и нечто третье, именно искусство» (IV, 709d). Платон подчеркивает возможность управления поведением людей через искусство, через общий ритм

культуры. Он пишет: «Каждый человек, взрослый или ребенок, свободный или раб, мужчина или женщина — словом все целиком государство должны беспрестанно петь самому себе очаровывающие песни, чтобы поющие испытывали наслаждение и ненасытную какую-то страсть к песнопениям» (II 665c); «...пусть всякий мужчина и всякая женщина проводит свою жизнь, играя в прекраснейшие игры <...> Надо жить играя. Что же это за игра? Жертвоприношения, песнопения, пляски, цель которых — снискать себе милость богов, а врагов отразить и победить в битвах» (VII, 803). А пока эта модель жизни в общем для всех **завораживающем ритме искусства** является только идеальной, - в обществе царят всеобщая развращенность и тирания: тиранам нужна развращенность для того, чтобы легче было держать страну «в оковах деспотизма». Но и тирания выгодна для всеобщего разврата, так как в условиях тирании важна только политическая покорность тирану [29].

Аристотель, в трактате «О небе», утверждает, что Космос сам никуда не двигается, потому что он занимает все пространство, и ничего кроме и помимо Космоса в пространстве не существует. Космос свободен, и все, что в нем происходит, есть результат *абсолютной необходимости*, проявляющейся в законах и закономерностях. Согласно Аристотелю, пространство представляет собой **материю, организованную по законам искусства**. Причем форма (или сущность) внутренне присуща каждой вещи и содержит в себе ее потенциальности, реализующие себя во имя конечной причины, цели. Все движение в космосе направлено к состоянию равновесия и определяется результатом – **равновесием системы**. Поэтому и человек в своей жизни должен во всем воздерживаться от крайностей. Земля имеет сферическую форму, потому что она наиболее совершенна, и окружена сферами небесных светил. Движение всего осуществляется *перводвигателем* – Душой Вселенной.

Проблема видится Аристотелю в том, что «внутри» этого структурированного пространства гармония есть лишь в высших сферах (выше сферы Луны), где тончайшая огненная или эфирная материя насквозь пронизана смыслом, где происходит **ритмическое вращение** самосозерцающего Ума, устремленного к самому себе, любящего самого себя, и пребывающего в нарциссическом блаженстве. Здесь все совершенно и неизменно. По мере же «спуска» в более низкие слои действительности, ниже сферы Луны, - быстро нарастают явления дисгармонии, и в подлунной сфере и на Земле находится *царство необходимости*, где обнаруживается неправильность в движении тел, все претерпевает разложение и распад и отсутствует ровное в своем спокойствии сияние умных сущностей. В мире необходимости,

поэтому, всегда творится преступление, и вечно совершается порыв к искуплению и преодолению вины, и трагедия жизни отдельного человека есть лишь наиболее показательный случай трагизма мировой истории.

Платон и Аристотель не только сформировали исходный для философского мышления и психологии круг вопросов и идей, но и сформулировали **общий принцип описания процессов в мире и судьбе человека**. По их мнению, и *восприятие и описание* развития Космоса и жизни каждого человека во времени неизбежно происходит в соответствии с законами трагедии, развивающейся по строго определенному в своей последовательности сюжету. Аристотель пишет: «трагедия есть подражание действию законченному и целому, имеющему известный объем, так как ведь существует целое и без всякого объема. А целое есть то, что имеет начало, середину и конец. Начало – то, что само не следует по необходимости за другим, а, напротив, за ним существует или происходит, по закону природы, нечто другое; наоборот, конец – то, что само по необходимости или по обыкновению следует непременно за другим, после же него нет ничего другого; а середина – то, что и само следует за другим, и за ним другое» (цит. по [24], с.749.). Каждый миф или трагедия есть описание действительности, и этапы развития сюжета отражают этапы развития реальных событий. В этом плане Аристотель выделяет *шесть основных этапов* развития любого сюжета во времени, характеризующих жизненный цикл, подобный полету бумеранга. Первые три этапа, *перипетия* (цепь событий, вытекающих одно из другого, приводящих к отпадению и пребывание в отпадении), *узрение* (распознавание того, что отпадение свершилось), и *пафос* (переживание потрясения в переживании осознания себя как отпавшего), отражают отрыв от блаженной жизни Ума. Следующие три этапа, *страх, сострадание и очищение*, означающие понимание трудностей пути назад, сострадание к миру необходимости, не осознающему своего истинного положения и его оценку с высшей точки, живописуют возвращение отпавшего к самому себе. Итак, наилучшее, идеальное состояние и мира и человека находятся в прошлом времени, и, одновременно, в высших слоях пространства. Жизненный путь человека неизбежно начинается с отпадения, и максимум возможного для него заключается в попытке достичь идеала, утерянного в прошлом, путем осуществления героических попыток возвращения*.

* Такого рода общий канон описания событий лежит в основании некоторых проблем в современной исторической науке. В последние годы появилась группа скептиков, которые считают ныне существующую в мировой культуре классическую версию истории

фальсифицированной. Так, А.Т. Фоменко и Г.В. Носовский пишут, что в действительности средневековая Русь и Великая «Монгольская» орда – это одно и то же, что события античной истории придуманы некоторыми историками по аналогии с событиями эпохи Возрождения и т.д. Аналогичную попытку совершает американский ученый И. Великовский по отношению к истории Египта, и стран средиземноморья в цикле исследований «Века в хаосе». По существу дела, из наличия феномена концептуальной схожести в описаниях некоторых происходивших в разные времена и в разных странах событий, что действительно обнаруживается в текстах, признанных большинством историков классическими, А.Т. Фоменко и Г.В. Носовский делают вывод о том, что по крайней мере в некоторых случаях эти тексты вполне могут быть не более, чем различными описаниями одних и тех же событий, происходивших в одном месте и времени. Это позволяет им на следующем этапе рассуждений допустить, что мы живем в очень молодом мире, история которого реально насчитывает не более полутора тысяч лет, а классическая версия истории есть не что иное, как нравоучительный исторический роман (см. [27], [43]). При внимательном прочтении можно заметить, что в основе гипотезы А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского лежит попытка применения ими математического метода к анализу описаний событий истории, что требует различения действительного хода событий и множества их описаний в текстах. Такой анализ всегда сталкивается с методологической трудностью, содержащейся в диалектике повторяемости – изменчивости, отмеченной еще С. Керкегором [20], и тщательно проработанной в философии Ж. Делезом (см. [14], [15]).

Подводя итоги мифопоэтического этапа развития представлений о **времени и ритме**, подчеркнем, что время понимается в древнем мире как неразрывное единство двух его аспектов, обеспечивающих сочетание и соединение в конкретном наблюдаемом предмете или процессе аспектов изменчивости и завершенности, и трех последовательных этапов существования всего живого. Можно предположить, что если в общей системе понятий человек пытается строить соразмерные своим познавательным возможностям конечные образы объектов и процессов бесконечного мира, то в понятии **«время»** он пытается соотнести переживаемую им трагедию мимолетности и неопределенности, смутное ощущение бессмысленности своего конечного существования с гипотетической безграничностью мира. Понятие же **«ритма»** генетически связано с видимой повторяемостью событий и циклическим характером многих процессов в мире действительности. Оно отражает общий принцип мировой гармонии как общего ритма, объединяющего всех живущих в единое тело Космоса. Оно связано и с надеждой человека если не на бесконечность индивидуального жизненного пути, где события каждого нового, следующего дня

отличны от событий дня предшествующего, то хотя бы на возможность бесконечного самовоспроизведения в постоянно повторяющемся мире, вместе с этим миром, в **ритме этого единого для всего Космоса процесса жизни**. Надежда обрести бессмертие путем циклического самовоспроизведения вместе с миром и в его ритме создала предпосылки для восприятия человеком мира как хрупкого, нуждающегося в поддержании и поддержке через регулярно воспроизводимые **ритуальные действия**, направленные на **синхронизацию индивидуальных ритмов Я в единый ритм Мы**. Итоговой для развития мифопоэтического типа мировоззрения картиной мира стала система Птолемея, описанная им в «Альмагесте», и канонизированная позже церковью. Именно она на протяжении полутора тысячелетий определяла фундаментальные основы мировоззрения человека, принадлежащего европейской цивилизации. Не останавливаясь на подробностях, которые можно найти, например, в [17], отметим лишь, что ее идеи и сегодня живут в мировосприятии человека, каждый день ощущающего **неколебимо твердую опору под ногами** и имеющего возможность наблюдать **ритмичное движение светил на небе**.

Положение радикальным образом меняется в **осевое время**, в связи появлением **идеи творения мира и человека из пустоты** в соответствии с определенным *замыслом*, и занятием этой идеей центрального места в религии. Теперь понятие времени должно было обозначить различия, *во-первых*, между эпохой до начала творения и эпохой, в которой процесс творения непосредственно осуществляется, и, *во-вторых*, между отдельными творческими актами, составляющими этапы творения. *В-третьих*, религия в это время формулирует представление о цели существования и мира и человека и говорит о жизненном пути каждого человека как о средстве достижения этой окончательной цели. Жизнь теперь воспринимается как упорядоченный и направленный процесс, символика **жизни как цикла** сменяется символикой **жизни как полета стрелы, направленной лучником в цель**. Каждый поступок и действие человека теперь приобретают смысл в связи с продвижением к религиозной (философской) цели или удалением от нее. Время совершения действий, приближающих человека и человечество к Цели становится в этой связи *священным*, в отличие от времени *профанного*, связанного с действиями, направленными на удовлетворение естественных потребностей.

Суть процесса творения, по религиозным писаниям, заключается в том, что в мире *появляется* тем или иным путем *из ничего* нечто новое, чего в нем еще не было. Это новое самым вопиющим фактом своего появления проводит как бы водораздел между предыдущей эпохой, в которой этого нового еще не было, и актуальным

состоянием, в котором оно уже присутствует, существует, есть. В «Ригведе», в «Гимне о сотворении мира» (X.129), так характеризуется эпоха, предшествующая творению: «Тогда не было ни несуществования, ни существования; не было ни царства пространства, ни неба, что лежит за его пределами. Что пришло в движение? Где? По чьему повелению? Были ли бездонно глубокие воды? Тогда не было ни смерти, ни бессмертия. Не было признаков ночи и дня. Так Единый дышал, не поднимая ветра, по собственному своему побуждению. Кроме этого, не было ничего. В начале тьма была скрыта во тьме; и все было водою без границ. Жизненная сила была покрыта пустотой, и Единый взволновал ее силою жара. И пришло к Единому желание; и это было первое семя разума. Мудрые поэты ищут в своих сердцах узы существования и несуществования. Был ли тогда низ? Был ли тогда верх? Тогда были сеятели; тогда были силы. Тогда было побуждение снизу; тогда было возвешение сверху. Кто знает, как было в действительности? Кто заявит об этом здесь? Когда это началось? Когда произошло творение? Боги пришли после, когда Вселенная была создана. Так кто же знает, когда она поднялась из вод? Когда началось творение – быть может, оно само сотворило себя, а быть может, и нет – тот, кто смотрит на нее сверху вниз, тот, кто на высочайшем из небес, только он это знает – а быть может, не знает и он». («Ригведа», Гимн «Насадийя», цит по [6] с.47-48).

В Первой книге Моисеевой «Берешит» (Тора), или «Бытие» (Ветхий завет), описывается процесс творения, важнейшей особенностью которого является *творение из ничего*, «как означает самый глагол *бара*, употребленный для слова *сотворил*» [23; с.2)]. Отметим, что процесс творения описывается в Библии «особой **ритмизованной прозой**, в самых напряженных местах переходящей в стихотворную речь (так, стихотворную форму имеют практически все речи из уст Бога» [34; с. 189)]. Время появляется в тексте Ветхого завета как определенный и пронумерованный «день» творения, включающий в себя отдельные творческие акты. В «Брихадараньяка упанишаде» таким прообразом времени является «год», ведущий свою родословную от сочетания *разума с речью*: «До этого не было года. Он растил его столько времени, сколько длится год, и затем выпустил его» [8; с.68]. Каждый «день» в тексте Ветхого завета связывается с определенным числом, что позволяет упорядочить все события в определенную последовательность, *историю творения*.

Крайне важно и то, что *время как разделение* неразрывно связывается в Библии с этической оценкой результата каждого творческого акта: «И увидел Бог, что это хорошо» ([5], Быт. 1:10; 12; 18; 21; 25; 31). Комментаторы Библии видят в этой особенности важнейшую модель для всей жизнедеятельности человека. В

«Древнееврейской литературе» С.С. Аверинцев пишет: «Начало мира есть символический прообраз закона; в чем же сущность закона, как не в отделении должного от недолжного, дозволенного от запретного, сакрального от профанного? Бог «отделил», и потому человек должен «отделять», должен «различать», как говорится ниже в законодательном тексте Торы: «Это устав великий для поколений ваших, дабы вы умели различать между священным и мирским, между скверной и чистым» ([5], Левит, 10:9-10). Человек - существо, которому суждено отличать, отделять – свет от мрака, добро от зла» [1; с.279].

Отсюда становится понятным, почему «исцеление души» человека, отпавшего от общего движения к цели, и осуществляемое в религиозных ритуалах, неразрывно связано: *во-первых*, с побуждением человека к систематической оценке своих действий в акте исповеди; и, *во-вторых*, укреплении его в стремлении каждый дарованный ему день жизни наполнять деяниями, ведущими к достижению религиозной цели. Этот путь осуществляется в совместной гармонической деятельности верующих, включающей не только определенную аскезу и ритуальные действия, но и конкретные деяния, направленные на преобразование мира здесь, сегодня и сейчас, в соответствии с принципом: «Вера без дел мертва». Воспроизводимый церковью изо дня в день и из года в год **ритм ритуалов** имеет своей целью предоставление индивиду возможности пережить не только в собственном, но и в коллективном мистическом опыте *священные события*, что позволяет ему приобщиться к общине верующих.

С точки зрения религии, решающие для достижения «спасения» действия человек должен осуществить сам, своим усилием, через «тесные врата» достигая цели, к которой ведет не только соблюдение ритуала (служащее опорой, но не являющееся целью), а следование *духу и истине*. Проблема всех религиозных движений связана с тем фактом, что очень многие люди, не воспитавшие в себе способности к тяжелой и кропотливой работе над собой и на благо ближних на протяжении всей своей жизни, склонны рассчитывать только на «божественную благодать». Многие останавливаются лишь на соблюдении ритуала, позволяющего слиться с группой в общем ритме и пережить, с одной стороны, чувство единения, а с другой – отвлечься от необходимости проявлять свою веру в мире действительности в конкретных делах любви к ближнему. Наиболее трагично выглядит судьба тех, мнящих себя «подвижниками», кто пытается «умертвить» себя еще при жизни, за счет аскетизма и удаления от «искушений» мира действительности, но по существу замыкается в нарциссизме, дезертирует с поля боя за жизнь.

Пытаясь оценить **значение осевого времени**, отметим, что принципиально новым является переход человека от стремления исключительно к поддержанию гармонии и ритма существующего мира, в котором идеал связывается с прошлым временем, к идее необходимости преобразовательной деятельности, где идеал и мира и каждого отдельного человека находятся в будущем. В это время в лице некоторых пророков, философов и йогов человек впервые в истории решается на то, чтобы искать опору в жизни только в самом себе, в своих силах и своем внутреннем мире. Человек ищет возможности перестроить себя, освободиться от властвующих над человеком как внешне принуждающих ритмов природы и общества, так и собственных внутренних *биоритмов*, обрести свободу поступка. Во имя достижения этой цели человек стремится к обретению ясного и непрерывного состояния сознания и пытается подчинить своему произвольному контролю все свои рефлексy и реакции, свое дыхание, пищеварение и мышление, избавиться от болезней и боли. В Индии Будда подвергает жесткой критике желание человека обрести вечное блаженство, оставаясь при этом неизменным. Он подвергает критике крайности в понимании пути к цели и открывает в своем учении «благородный срединный восьмеричный путь», позволяющий человеку без опоры на что-либо во внешнем мире, включая богов и демонов, достичь освобождения, состояния «по ту сторону» от горя и радости, от времени, от Бытия и Небытия. Он полагает, что подлинная цель жизни человека достигается им только в выходе за пределы циклически воспроизводящейся в жизни повседневной суеты и попыток реализации «неуместных» желаний.

Ритм и время в современной науке и психологии

В философии науки XX века позитивная жизнеутверждающая тенденция наиболее ясно выражена в теории бесконечности познания («unended quest») К. Поппера, разработавшего принципиальные схемы коэволюции человека и научного познания в модели *эволюционной эпистемологии*. Суть философии К. Поппера можно обозначить так: *нечто может возникнуть из ничего; по крайней мере именно так это происходит в процессе научного познания*. В.В. Бартли третий, суммируя основные идеи К. Поппера, пишет: «Научные теории вводят во Вселенную новые формoобразования и не могут быть сведены к наблюдениям. Такой вещи, как научная индукция, не существует. В настоящем и прошлом не содержится будущее. Физика индетерминистична, впрочем, как и история, причем также и потому, что научные идеи воздействуют на историю и таким образом на ход мировых событий. В биологии есть подлинная эмерджентность. Ценность не сводится к факту. Дух несводим к материи.

Дескриптивный и аргументативный уровень языка несводимы к его сигнальному и выразительному уровням. Сознание – это «кончик стрелы» эволюции, и продукты сознания не детерминированы. Отсюда значимость «открытого общества» в «открытой вселенной» (В.В. Бартли третий, цит. по [30], с.9). Эта философская позиция позволяет воспринимать Хаос в сочетании с индетерминизмом Вселенной не в качестве угрозы, а как *исторический шанс человека*. Именно отсутствие заданного извне смысла позволяет человеку самому создавать смыслы для себя и мира. Именно наличие пустоты и неупорядоченности позволяют человеку пытаться реализовывать найденные в личном поиске смыслы через индивидуальные и коллективные творческие акты, преобразуя самого себя и окружающий мир (см. [10], [33]).

С точки зрения современной физики во Вселенной существуют только **собственные времена различных материальных систем**, и они могут совпадать или синхронизироваться лишь при определенных условиях. В целом наличие феномена времени и его поступательного «хода» сегодня считаются производными от определенного этапа в процессе жизненного цикла вселенной. Общая теория относительности исключает из науки понятия абсолютного пространства и абсолютного времени, существующих самостоятельно, независимо от материи форм бытия и свойств сознания познающего субъекта. А. Эйнштейн пишет: «раньше считали, что если бы каким-нибудь чудом все материальные вещи исчезли бы вдруг, то пространство и время остались бы. Согласно же теории относительности вместе с вещами исчезли бы и пространство и время» (цит. по [2], с. 370).

Известный физик и философ науки С. Хокинг приходит к выводу, что сегодня «Можно говорить по крайней мере о трех различных стрелах времени. *Во-первых*, стрела термодинамическая, указывающая направление времени, в котором возрастает беспорядок, или энтропия. *Во-вторых*, стрела психологическая. Это направление, в котором мы ощущаем ход времени, направление, при котором мы помним прошлое, но не будущее. И, *в-третьих*, стрела космологическая. Это направление времени, в котором Вселенная расширяется, но не сжимается» [44,с.202]. С Хокинг считает, что психологическая стрела времени *должна* быть направлена так же, как и термодинамическая в связи с энергетическими аспектами функционирования памяти и сознания человека. По его мнению, человек - это принципиально неэффективное с термодинамической точки зрения существо, лишь очень небольшую долю вырабатываемой через потребление пищи энергии использующее на процессы упорядочения, в том числе и собственной памяти, а подавляющую ее часть

превращающее в неупорядоченную энергию, способствующую увеличению беспорядка как в своем внутреннем мире, так и во Вселенной.

Традиционное **понимание времени в науке и психологии** до середины XX века сводилось к его определению как *однородной физической среды*, в которой разворачиваются процессы изменения вещей и процессов внешнего (по отношению к сознанию человека) мира, а так же собственных состояний сознания познающего субъекта. В этом случае с помощью понятия "время" *результат процесса познания* получает в сознании субъекта гипотетическую форму упорядоченной в строго определенную последовательность совокупности взаимообусловленных, переходящих одно в другое статических состояний. В сознании субъекта происходят как бы «остановки» мирового процесса (или его отдельного «фрагмента», являющегося в данный момент объектом познания), фиксирующие его «мгновенные срезы», выстраивающиеся в определенный временной ряд.

В *методологическом плане* эта «остановка» соответствует не всегда осознаваемому переходу субъекта в процессе познания от реального объекта к его идеальной модели, предмету. Такой переход в процессе познания *прагматически оправдан*, так как для нужд жизнедеятельности человеку требуется не абсолютное знание, «равно обязательное для ангелов, демонов и человека» (терминология Э. Гуссерля), а такие его модели, которые пригодны для решения практических проблем. Переход от объекта к предмету неизбежен, так как в реальности он отражает факт дискретности психических процессов, лежащих в основании восприятия человеком окружающего мира, который становится достоянием сознания субъекта познания частями, «квантами», в соответствии с физиологически детерминированными возможностями переработки мозговыми центрами поступающей из внешнего и внутреннего мира информации. Отсюда возникает принципиальное противоречие между ощущаемым субъектом в эстетическом восприятии единством и целостностью мира, с одной стороны, и принципиальной *недоопределенностью* каждого понятия, теории и картины мира опытом [35, с. 33-34].

В этом фактическом положении дел основа неосознаваемых предпочтений субъектом *причинных теорий*, в которых из смежности событий во времени А (t) и В (t+1) делается вывод о том, что А в некотором смысле является причиной В, по отношению к *теориям описательным; теорий более детерминированного мира* по отношению к *теориям мира мало- или недетерминированного*, будь то теории религиозные, научные или мифопоэтические. Более детерминированный мир, как правило, полагается субъектом более легким и удобным для нужд практической

жизнедеятельности. К. Леви-Стросс писал, объясняя живучесть мифогенных идей: «миф не способен дать человеку больше власти над его окружением. Но крайне важно, что он дает человеку иллюзию, что он способен постичь вселенную и что он ее уже постиг» (цит. по [6] с. 262).

В *отечественной психологии* осмысление результатов научного прогресса привело С.Л. Рубинштейна к следующим идеям о природе времени и ритма, изложенным в его обобщающем произведении «Человек и мир» (1957). Определяя пространство и время как «формы существования сущего», С. Л. Рубинштейн выделяет *пространство*: 1) физико-химических процессов, 2) организмов, 3) человеческой жизни; и *время*: 1) природы, материи, и 2) истории. [31, с.32-33]. Он пишет: «По-видимому, должна быть выделена категория «ритма времени», которая должна анализироваться на разных уровнях. На уровне животных удастся выделить повторяющиеся циклы во времени, циклические процессы, связанные с изменениями во времени. В связи с характером этих циклов может быть установлена относительная обратимость времени, аспект обратимости во времени.

Применительно к жизни человека время связано с характеристикой такого процесса, закономерный ход которого ведет к его самоотрицанию, к переходу в его противоположность (жизнь и смерть). Отсюда разная длительность времени в начале и в конце жизни (в юности, когда жизнь только начинается, и тогда, когда она идет к концу). Наполненность, насыщенность времени событиями и темпами их протекания изменяет *ритм времени жизни человека* (*Примечание - выделено мною*). В отличие от повторяющихся циклов времени жизни животного, у человека как общественного существа – единый исторический процесс, в котором преемственность устанавливается через продукты деятельности. Отсюда возникает проблема времени истории. Итак, *время жизни субъекта*, его поведения, переживания, конечно «субъективно», но только в смысле связи с формой жизни субъекта, которая представляет объективный процесс, но не субъективно в смысле одной только кажимости» [31, с.41-42].

В этой связи С.Л. Рубинштейн, рассматривая человека как *субъекта жизни*, говорит о *двух основных способах его существования*. Первый из них – «жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых живет человек; сначала отец и мать, затем подруги, учителя, затем муж, дети и т.д. Здесь человек весь внутри жизни, всякое его отношение – это отношение к отдельным явлениям, но не к жизни в целом <...> такая жизнь выступает почти как природный процесс, во всяком случае очевидна непосредственность и целостность человека, живущего такой жизнью <...>

здесь нравственность существует как невинность, как неведение зла, как естественное природное состояние человека» [31, с.79]. Ускоряющиеся перемены в социуме неизбежно в том или иной момент времени ломают подобный наивный и патриархальный уклад жизни, *вынуждая* человека к рефлексии, которая «выводит человека мысленно за его пределы. Это решающий, поворотный момент. *Здесь кончается первый способ существования. Здесь начинается либо путь к душевной опустошенности, к нигилизму, к нравственному скептицизму, к моральному разложению, либо другой путь – к построению нравственной человеческой жизни на новой, сознательной основе... с этого момента встает проблема ответственности человека за всё содеянное и упущенное*» [31, с.79].

Интересную концепцию противоречиво-двойственной природы человеческого сознания развивает А.А. Ухтомский в работах о *доминанте* и *хронотопе* и в письмах ученикам [42]. Он пишет, что «реальность – хронотоп, в котором лишь искусственно абстрагируются главы о явлениях», и в этом хронотопе мы живем [42, с.70]; что «построение предмета всегда пробно, предположительно, рискованно. Поэтому и предмет всегда есть лишь предположение, проект реальности, пробная антиципация, риск. Правильность построения проектируемого предмета проверяется только контактным сближением» [42, с. 68]; «наше знание о хронотопе есть всегда пробный проект предстоящей конкретной реальности по предваряющим признакам. Правда или ложь проекта решаются конкретной проверкой» [42, с.71]. В записях 1939 года он пишет: «Люди *воображают, т.е. восстанавливают ранее почерпнутые образы действительности*, частью изучают по ним мелькнувшую перед ними в прошлом реальность (подчас лишь в оптических следах и уже при закрытых глазах открываем мы детали тех предметов, которые промелькнули перед глазами, но оценены были лишь в самых общих чертах!), частью дополняют и перестраивают эти образы прошлых соприкосновений с реальностью соответственно своим текущим тенденциям, пожеланиям, аппетитам <...> Вот с *этими образами воображения человек идет навстречу новым соприкосновениям с действительностью*, проверяя образы по действительности, строя действительность при помощи образов. Может быть, всего лучше эта роль воображения дается в миражах, когда истомленному каравану начинает видеться волнующаяся водная поверхность в низких берегах песков. *Как раз то, что нужно и хочется, но чего именно нет, оно-то и воображается с нарочитой настойчивостью, с этими-то образами воображения человек и идет навстречу действительности, ими-то и оплодотворяются и ведутся человеческие поиски во вновь открывающейся действительности*» [42, с.434].

Идеи и гипотезы С.Л. Рубинштейна и А.А. Ухтомского в последние годы находят свое обоснование и подтверждение не только в философском обобщении открытий в математике и физике, но и в исследованиях «периодически эквивалентных процессов» (ПЭП) в биологии и физиологии. Биологи и физиологи в минувшем столетии выявили в организмах большое число относительно независимо функционирующих *биоритмов*, связанных с деятельностью клеток, тканей, органов и физиологических систем. Ф. Хальберг, для того чтобы подчеркнуть главную особенность открытых им биоритмов, использовал для их именованя термин *«циркадианные»*, производный от латинского слова *circa*, что значит «около». Выяснилось, что подавляющее большинство биоритмов человека обладает собственной внутренней относительно гибкой временной организацией, лишь приблизительно соответствующей природным ритмам смены дня и ночи. Было выявлено, что наименее подвижными являются биоритмы на внутриклеточном уровне, а наиболее свободными являются биоритмы на уровне функциональных систем. Более того, были выявлены так называемые *свободно протекающие ритмы*, временная организация которых *вынужденно подчиняется* внешне задаваемым природой или условиями деятельности человека ритмам* [50,51].

* Так, в Институте Макса Планка было выявлено, что у людей, живущих в бункерах, где не поддерживался искусственно 24-часовой режим смены освещения, через некоторое время установился примерно 25-часовой ритм цикла сон - бодрствование. Это означает, что естественный природный ритм смены дня и ночи является по отношению к биологической природе человека определенным *принуждающим фактором*, заставляющим каждый день вставать тогда, когда еще хочется спать, и вынуждающий ложиться спать тогда, когда спать еще не хочется. Вероятным становится и предположение о том, что практически неизменный в экваториальных областях Земли 12-часовой ритм смены дня и ночи так же оказал определенное *принуждающее значение по отношению к времени начала и темпам развития цивилизации*.

Организм должен функционировать как единое целое, поэтому наличие разнородных по ритмам и циклически протекающих процессов в рамках клетки, ткани, органа, физиологической системы и человеческого организма в целом ставит вопросы:

- как организм синхронизирует все эти процессы, каким образом и благодаря какому механизму;
- какие факторы влияют на рассогласование ПЭП и какие (из числа известных) заболевания являются проявлением асинхронности.

Эти проблемы сегодня изучаются эволюционной физиологией, нейрофизиологией, психофизиологией (см. [19], [41]). В последние годы было установлено, что особо важная роль в организации ритмичности функциональной

активности человека и его сознания принадлежит морфологически определенному **единому пейсмейкеру циркадных ритмов**, локализованному в *супрахиазмическом ядре гипоталамуса*. Пейсмейкер, задающий общий ритм активности систем, представлен группой нейронов, способных генерировать циркадные ритмы и поддерживать их даже в отсутствие сигналов и информации из внешней среды, афферентации. В отличие от других групп нейронов, обладающих только эндогенным ритмом, нейроны пейсмейкера имеют выход на эфферентное звено, передающее влияние пейсмейкера на ту или иную функциональную систему – мишень. Основным внешним фактором, воздействующим на активность пейсмейкера, является цикл свет – темнота, информация о котором передается через *ретиногипоталамический тракт*. Формирование пейсмейкера и его функциональной активности является генетически детерминированным процессом и происходит у млекопитающих на фазе внутриутробного развития под влиянием множества материнских ритмов. При этом считается, что система циркадных ритмов организма матери обеспечивает координацию собственных ритмов с ритмами плода, что является важнейшим элементом механизма адаптации плода к дальнейшему самостоятельному существованию [41, с. 193-215].

Одна из гипотез, в последние годы привлекающая повышенное внимание исследователей, - это представление о возврате возбуждения в места первичных проекций и возникающем на этой основе сопоставлении и синтезе имевшейся ранее и вновь поступившей информации. Классическая схема рефлекса дополняется здесь звеном обратной связи, что превращает рефлекторную дугу в кольцо. Эта гипотеза, выдвинутая А.М. Иваницким [18], позволяет предположить, что процессы сравнения и синтеза двух типов информации – наличной и извлекаемой из памяти, - и составляют тот механизм, который лежит в основе ощущения как психологического феномена. Сама по себе эта идея не является принципиально новой: еще Д. Юм в «Трактате о человеке» [47] писал о том, что чувство "я", являющееся важнейшим элементом субъективного опыта, возникает в результате *движения восприятий* вдоль событий прошлого.

По Д. Эдельману [48], последовательное поступление информации и постоянное сопоставление сигналов из внешней и внутренней среды лежит в основе механизма возникновения субъективного опыта. Эдельман полагает, что в основе сложного психологического феномена сознания лежат более простые прерывистые по своему характеру физиологические процессы, требующие циклического повторения в определенном ритме. При этом каждый цикл является определенной

последовательностью событий, начинающейся и заканчивающейся входом сигнала в одну и ту же группу клеток. Феномен повторного входа (reentering) определяет различие между *первичным* сигналом и возвращающимся после обработки в иных группах клеток *вторичным*. Считается, что в момент возврата первичного и уже переработанного сигнала в эту же группу клеток поступает информация из долговременной памяти, несущая информацию по признаку ассоциации. Соединение этих двух потоков информации и составляет циклически повторяющуюся фазу активности сознания, продолжительность которой составляет около 100 мс.

Н.Н. Данилова так описывает схему протекания процесса: «Зрительный объект опознается, когда его различные признаки интегрируются в единое целое, включая его местоположение в пространстве. Это происходит в результате соединения информации от двух подсистем зрительного анализатора «Что» и «Где» с информацией из долговременной памяти, где следы так же хранятся в двух системах: «Что» (в нижневисочной коре) и «Где» (в теменной). Место интеграции всей информации – рабочая память (префронтальная кора). Предполагается, что переписывание информации в РП из двух блоков сенсорной системы «Что» и «Где» осуществляется с помощью механизма локальной активации. За счет обратных связей от РП к долговременной памяти и сенсорной системе в нижневисочной и теменной коре происходит актуализация определенных следов памяти, а так же подчеркивание в сенсорной системе признаков воспринимаемого объекта. Вербальный сигнал актуализирует структуры долговременной памяти, переписывая в нее необходимую информацию в РП. Для этого он действует через неспецифическую систему мозга, создавая специфические паттерны неспецифического возбуждения, модулирующие сенсорные, мнемические и семантические уровни обработки информации. Можно предположить, что префронтальная кора в режиме РП формирует программу не только реализации поведения, моторных актов, но и процесса восприятия объекта за счет взаимодействия сенсорной системы с долговременной памятью и модулирующей системой мозга». [13, с.319]

Д. Греем [49] выдвинута гипотеза о том, что процессы сравнения первичной информации с ассоциативными данными памяти и переработанной вторичной информацией локализуются не только в связанной с когнитивной деятельностью коре, но и в анатомически принадлежащем гиппокампу «субикулярном компараторе», что позволяет объяснить тесную связь эмоциональной и когнитивной компонент в психологическом компоненте переживания. Важной является и гипотеза Ю. Конорского [21] о существовании «гностических нейронов», каждый из которых связывает группу

нейронов, отвечающих за различные по модальности аспекты ощущения в морфологически единый комплекс, нейронный ансамбль, отвечающий за комплексы признаков различной модальности, связываемые с целостным восприятием объекта. Эта концепция получила развитие в пирамидальной «иерархической модели гештальта» Е.Н. Соколова ([37], [38]), где каждый гностический нейрон представляется «вершиной» пирамиды из нейронных детекторов отдельных признаков. Активация пирамиды связывается с Е.Н. Соколовым с деятельностью активирующей системы мозга, описываемой в духе концепции Ф. Крика о «прожекторах внимания» [22]. Важным этапом в познании природы психического является и информационная теория эмоций П.В. Симонова [32], в которой эмоция как психологический феномен рассматривается в связи с рассогласованием между имеющейся и необходимой для удовлетворения потребности информации.

На основе обобщения изложенных выше сведений сегодня сформулировано представление о наличии *двух когнитивных систем* мозга. Первая из них, связанная с височно-теменными областями коры, считается ответственной за процессы, связанные с образным типом мышления. Вторая система, считающаяся ответственной за абстрактно-вербальный тип мышления, связывается с фронтальными отделами коры. Образно говоря, обе системы расположены, таким образом, вдоль передне-задней оси мозга, и сегодня полагается, что такое деление носит эволюционно более древний характер, чем функциональная специализация полушарий мозга. Сегодня в теории считается, что в ответ на каждый поступающий информационный импульс, включается только одна из систем: вторая, если в памяти уже содержится достаточный объем ассоциативной информации; и первая, если такой информации недостаточно. Включение "не той" когнитивной системы, что проявляется в локализации фокусов в лобной коре при задачах на образное мышление и в височно-теменной коре при вербальных задачах, как правило приводит к тому, что оптимальное решение не находится [18].

Сегодня можно предположить, что функциональная асимметрия мозга, с одной стороны, и наличествующие две когнитивные системы мозга лежат в основе, во-первых, множественности картин мира в культуре и науке, и, во-вторых, неоднозначности и внутренней противоречивости восприятия субъектом мира. Однако практика психологов и психотерапевтов показывает, что эти системы не являются изолированными, работающими по принципу «или – или». Скорее, обе работают вместе, не всегда синхронно, и часто конкурируют за право внести решающий вклад в

создание того или иного представления, определении его места и значимости и за право реализовать именно свое решение [16].

Предварительные итоги.

Мир действительности и человек как системы содержат подсистемы, изменения в которых носят ритмически организованный характер. В системе «человек» они лежат в основании работы сознания, позволяющего индивиду воспринимать окружающий мир действительности, познавать его и организовывать свою жизнедеятельность. В системе «мир» такие подсистемы делают его познаваемым для субъекта и частично предсказуемым, что позволяет человеку получить представление о феномене времени и побуждает его к эффективному использованию времени своей жизни.

В совместной деятельности людей происходит синхронизация ритмов их жизнедеятельности, порождающая ритмы культуры общества, оказывающие обратное влияние на ритмы жизнедеятельности каждого субъекта. Выживание и развитие человечества зависят от способности мобилизовать все наличные ресурсы, внешние и внутренние, для нахождения теоретических моделей решения возникающих проблем и своевременного проведения их в жизнь. Мобилизация внутренних ресурсов индивида требует синхронизации и гармонизации взаимоотношений между отдельными функциональными и физиологическими системами его организма, что зависит от его способности самостоятельно задавать и регулировать ритм своей жизнедеятельности.

Мобилизация внешних ресурсов требует соединения и гармонизации усилий многих субъектов для решения общих проблем совместными усилиями, что требует синхронизации их личных «темпомиров», что зависит от способности лидера задать общий для всех ритм, при котором за счет явлений «творческого резонанса» повышается продуктивность совместной теоретической и практической деятельности. Умение субъекта задавать общий для группы ритм становится эффективным средством общественного и личного развития или орудием манипулирования и психологического порабощения в зависимости от системы ценностных ориентаций в культуре общества и сознании индивида, обладающего такой способностью.

Время жизни человека соразмерно не столько с колебаниями атомов или видимым движением светил, сколько с творческими актами, совершаемыми человеком индивидуально или в группе и вносящими нечто принципиально новое в эволюцию человека, человечества и его культуры.

Литература.

1. *Аверинцев С.С.* Древнееврейская литература//История всемирной литературы в 9т.М., 1983. т.1
2. *Алексеев П.В. Панин А.В.* Философия. – М.: Проспект, 1999
3. *Ассман Я.* Египет: теология и благочестие ранней цивилизации. – М.: Присцельс, 1999
4. *Баранцев Р.Г.* Открытым системам – открытые методы// Синергетика и методы науки/ Отв. ред. М.А. Басин. – СПб.: Наука, 1998
5. Библия. Книги священного писания ветхого и нового завета. М., 1990
6. *Бирлайн Д.Ф.* Параллельная мифология. – М.: Крон-пресс, 1997
7. *Бонгард-Левин Г.М.* Древнеиндийская цивилизация. – М.: «Восточная литература» РАН, 2000
8. Брихадараньяка упанишада. Перевод, предисловие и комментарии *А.Я. Сыркина*. – М.: Наука, 1992
9. *Васильев Л.С.* Культы, религии, традиции в Китае. – М.: «Восточная литература» РАН, 2001
10. *Василькова В. В.* Порядок и хаос в развитии социальных систем. - СПб.: Лань, 1999
11. *Вахромов Е.Е.* Самоактуализация и жизненный путь человека//Современные проблемы смысла жизни и акме. Материалы VI-VII симпозиумов ПИ РАО/Под ред. А.А. Бодалева, В.Э. Чудновского, Н.Л. Карповой, Г.А. Вайзер. – М., 2002
12. *Вахромов Е.Е.* Психологическая помощь жертвам тоталитарных и культовых организаций: экзистенциальные мотивы аномального поведения//Прикладная психология и психоанализ. 2001, №1,2
13. *Данилова Н.Н.* Психофизиология. – М.: Аспект-пресс, 1998
14. *Делез Ж.* Различие и повторение. – СПб.: Петрополис, 1998
15. *Делез Ж.* Логика смысла. – М.: Раритет, 1998
16. *Доброхотова Т.А., Брагина Н.Н.* Асимметричный мозг – асимметричное сознание//Журн. высш. нервн. деят.1993.т.43.Вып.2 с.209-225
17. *Дубнищева Т.Я.* Ретрофизика в зеркале философской рефлексии. – М.: Инфра-М, 1997
18. *Иваницкий А.М.* Синтез информации в ключевых отделах коры как основа субъективных переживаний//Журнал высшей нервной деятельности. 1997. т.47. Вып.2.с. 209-225
19. *Карамнова И.Г.* Что мы знаем о происхождении цикла «бодрствование – сон» и причинах его нарушения. – СПб.: Наука, 1998
20. *Керкегор С.* Повторение. – М.: Лабиринт, 1997
21. *Конорский Ю.* Интегративная деятельность мозга. – М., 1970
22. *Крик Ф.* Мысли о мозге // Мозг. Под ред. П.В.Симонов. М. Мир. 1982. С. 257.
23. *Лопухин А.П.* Библейская история ветхого завета. – Монреаль, 1986
24. *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. – М.: Мысль, 1993
25. *Лукьянов А.Е.* Лао-цзи и Конфуций. Философия Дао. – М.: «Восточная литература» РАН, 2000
26. Наука в культуре./Под ред. В.Н. Поруса. – М.: Эдиториал УРСС, 1998

27. *Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Русь и Рим. Правильно ли Мы понимаем историю Европы и Азии? В 2 кн. – М.: АСТ, 1997
28. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Основы теоретической психологии. – М.: Инфра-М, 1998
29. Платон. Собрание сочинений в 4т. – М.: Мысль, 1990-1994.
30. *Поппер К.* Квантовая теория и раскол в физике. – М.: Логос, 1998
31. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. – М.: Наука, 1997
32. *Симонов П.В.* Созидающий мозг. Нейробиологические основы творчества. М.: Наука, 1993.
33. Синергетика и методы науки/ Отв. ред. М.А. Басин. – СПб.: Наука, 1998
34. *Синило Г.В.* Древние литературы Ближнего Востока и мир Танаха (Ветхого завета). – Минск: Экономпресс, 1998
35. Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей запада. Хрестоматия/ Сост. А.А. Печенкин. – М.: Логос, 1996
36. *Соколов В.В.* От философии античности к философии нового времени. – М.: Эдиториал УРСС, 1999
37. *Соколов Е.Н.* Нейрофизиологические механизмы сознания//Журнал высшей нервной деятельности.1990. Т.40. Вып 6. с. 1049-1052
38. *Соколов Е.Н.* Проблема гештальта в нейробиологии//Журнал высшей нервной деятельности. 1996. Т.46. Вып.2 с.229-240
39. *Степин В.С.* Основания науки и их социокультурная размерность//Наука в культуре. Под ред В.Н. Поруса. – М.: Эдиториал УРСС, 1998
40. *Торчинов Е.А.* Религии мира. Опыт запредельного. – СПб., 1997
41. *Угрюмов М.В.* Механизмы нейроэндокринной регуляции. – М.: Наука, 1999
42. *Ухтомский А.А.* Доминанта. – СПб.: Питер, 2002
43. *Фоменко А.Т.* Критика традиционной хронологии античности и средневековья (Какой сейчас век?). – М.: МГУ, 1993
44. *Хокинг С.* Краткая история времени от большого взрыва до черных дыр. – СПб.: Амфора, 2000
45. *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении. – СПб.: Алетейя, 1998
46. *Элиаде М.* Шаманизм: архаичные техники экстаза. – Киев: София, 2000
47. *Юм. Д.* Трактат о человеческой природе в 2т. – М.: Канон, 1995
48. *Edelman G.M.* The remembered present. A biological theory of consciousness. N.Y: Basic,1987
49. *Gray J.A.* The contents of consciousness: A neuropsychological conjecture//Behav.Brain Sci.1995,v.4, p.659
50. *Sollberg A.* A biological rhythm research. Amsterdam-London-New York, 1965
51. *Ward R.R.* Die biologischen Uhren. Reinbek,1973